

Н. Лосский

Логика

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н. Лосский**
Логика: Том 1 / Н. Лосский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 168 с.

ISBN 978-5-517-90678-6

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1928 года

ISBN 978-5-517-90678-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Гносеологическое введение в логику

1. Гносеология как основа логики

§ 1. Кант говорит, что логика, исследующая «лишь формальные правила всякого мышления», есть наука, повидимому, вполне замкнутая и законченная: «со времени Аристотеля она не принуждена была сделать ни одного шага назад», но «также до сих пор она не могла сделать и ни одного шага вперед»¹⁾).

Если заглянуть в элементарный учебник, то можно вообразить, что замечание Канта сохранило силу и до нашего времени. В самом деле, в элементарных курсах логики на первом плане стоят учения, которым насчитывается более двух тысяч лет, напр. учение о строении силлогизма. Но если бы Кант воскрес и взял в руки современные философские курсы логики, он отказался бы от своего мнения. Влияние гносеологии, распространившееся также и на формальную логику, углубило эту науку, а вместе с тем внесло в нее и раздоры, создало в ней борьбу множества разнородных теорий. В подтверждение достаточно указать на «Систему логики» Милля и рядом с нею «Логические исследования» Гуссерля, или на столь отличные друг от друга системы логики Липпса, Шуппе и Зигварта²⁾, или же в русской литературе, на книгу А. И. Введенского «Логика, как часть теории познания» и книгу М. И. Каринского «Классификация выводов». Новичком может овладеть отчаяние, если он слишком поспешно познакомится сразу со всеми этими сочинениями. Он не в силах будет выплыть из водоворота борющихся друг с другом течений и найти направление для поступательного движения вперед; в то же время он с ужасом заметит, что старые знания, из элементарных учебников логики, в нем расшатаны, так как современные исследователи вскрыли в старых, тысячелетних учениях несомненные ошибки и недосмотры, воспрещающие самую же логику, они с очевидностью показали, что даже правила формальной логики (напр., силлогизма) нужно излагать иначе, в ином количестве и в ином виде, чем это принято традицией.

¹⁾ Кант, Критика чистого разума, перев. Н. Лосского (2 изд. 1915 г. стр. 9).

²⁾ Липпс, Основы логики, перев. Н. Лосского: Schuppe, Erkenntnisstheoretische Logik, а также его Logik und Erkenntnistheorie; Sigwart, Logik.

Замечательно, что подлинным виновником революционного состояния современной логики приходится считать Канта, и притом ту его книгу («Критику чистого разума»), в предисловии к которой он называет формальную логику «вполне замкнутой и законченной» наукою. Это яркий образец того, как великий мыслитель зачастую сам не знает всех зародышей дальнейшего развития, таящихся в его открытиях.

В виду войны всех против всех, царящей в современной логике, как следует излагать содержание этой науки? — Конечно, не затушевывать разногласий между различными направлениями, а наоборот, отчетливо выдвинуть одно из направлений, сопоставляя его с другими и противопоставляя им так, чтобы для читателя была облегчена работа критического анализа и выбора между ними. При этом, конечно, нельзя угнаться за всем множеством существующих направлений. Такая попытка привела бы к нарушению стройности изложения общей системы логики. В этой книге я буду иметь в виду систему логики, основанную на гносеологии интуитивизма¹⁾, а сопоставлять ее я буду главным образом с традиционной классической логикой и, кроме того, с двумя другими направлениями, именно с логикой, опирающейся на гносеологию индивидуалистического эмпиризма, и с логикой, обоснованной на критицизме Канта. Образцом эмпиристической логики будет служить нестареющий труд Милля «Система логики», а образцом критицизма — книга проф. А. И. Введенского «Логика, как часть теории познания». Конечно, при этом предполагается, что читатель знаком уже с элементарным курсом логики.

§ 2. Дать определение понятия логики не легко. Указание на то, что предметом исследования логики служит знание, еще не отграничивает логику от ряда других наук. В самом деле, знание служит предметом исследования нескольких наук; в психологии, кроме отделов, посвященных изучению воли и чувств, есть еще отдел, посвященный изучению знания; мало того, в основу философии в настоящее время полагается новая наука, гносеология (теория знания или теория познания), ставшая на ноги лишь со времени Канта, но в короткое время достигшая высокой степени развития и почти всеми рассматриваемая теперь, как необходимый исходный пункт всякого философского исследования; предметом изучения этой науки, как видно из самого названия ее, тоже служит знание. Наконец, даже физиология, поскольку она изучает строение органов чувств и деятельность нервных центров, изучает процессы, имеющие значение для познавательной деятельности.

Если знание подвергается исследованию нескольких разнородных наук, то это значит, что познавательная деятельность сложна, что

¹⁾ См. мои сочинения „Обоснование интуитивизма“, также „Введение в философию“, ч. I.

она имеет в себе глубоко различные стороны, изучение которых распределяется между различными науками, вроде того как изучение материальных процессов производится не только физикою, но и химиею.

Отсюда ясно, что тот, кто хочет отличить логику от психологии знания и гносеологии и дать точное определение этих наук, должен сначала познакомиться с составом знания и познавательной деятельности: только тогда можно будет дать отчет о том, какую сторону знания изучает каждая из перечисленных наук.

§ 3. Приступим для этой цели к анализу знания. Всякое знание осуществляется в чем-либо сознании. Когда химик устанавливает положение «химически-чистое железо имеет удельный вес 7,8», это знание есть нечто сознаваемое им. Знакомясь с геометрией, мы признаем, что «прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками», и это знание есть нечто сознаваемое нами. Наконец, если обратимся к простейшим случаям знания, основанного на чувственном восприятии, и в них окажется то-же самое. Выйдя в сад в мае, я говорю «сирень зацвела», и это знание есть нечто сознаваемое мною. Итак, знание осуществляется в сознании, а потому для изучения его состава следует подвергнуть анализу также состав сознания.

Сознание характеризуется тем, что в нем всегда есть две стороны: некто познающий и нечто сознаваемое (напр., знание). Назовем первую сторону субъектом сознания, а вторую — содержанием сознания. Между субъектом сознания и содержанием сознания существует связь (отношение), характер которой мы рассмотрим позже, а теперь обратим внимание на следующее обстоятельство: такое содержание сознания, как знание, находится в отношении не только с познающим субъектом, но и еще с чем-то: всякое знание есть знание о чем-либо. То, о чем высказывается знание (в приведенных примерах это было железо, прямая линия, сирень), называется предметом знания или объектом. Итак знание стоит как бы посредине между познающим субъектом и познаваемым объектом. Оно принадлежит субъекту, но должно согласоваться с объектом; в самом деле, истинное знание о предмете должно как-то соответствовать предмету, более или менее выражать его.

Таким образом, чтобы получить точные сведения о строении познающего сознания, нужно исследовать отношение между субъектом и объектом, отношение между знанием и субъектом и, наконец, отношение между знанием и объектом.

2. Отношение между субъектом и объектом.

§ 4. Рассмотрим прежде всего отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом. Вопрос о природе

этого отношения решается крайне различно представителями различных философских школ. Познакомимся сначала с тем, как представляется это отношение самому примитивному человеческому уму, раньше всяких философских исследований. Отыскать образцы этих примитивных представлений нетрудно: они были свойственны каждому из нас до занятий философией и сохраняют свое влияние в течение всей жизни, по крайней мере в те моменты, когда человек забывает о философских теориях и возвращается к естественному миропониманию.

Приобретение истинного знания о предмете кажется такому уму делом весьма простым: для этой цели достаточно воспринять вещь путем зрения, слуха, осязания и т. п. Если на лесной поляне растет береза, то, проходя мимо нее, стоит обратить на нее внимание, и она вступит в кругозор моего сознания самостоятельно, в подлиннике: наблюдаемый зеленый цвет листьев, белый цвет коры, шум ветвей суть не мои ощущения, а свойства самой березы, пребывающие в ней вот там на расстоянии трех саженей от меня, думает представитель этой естественной точки зрения. Уходя с поляны и переставая видеть березу, он думает, что там на поляне она осталась с тем же зеленым цветом, шумом и т. п., с какими она только что предлежала его наблюдению в кругозоре его сознания. Такое представление о знании, истине и отношении между субъектом и объектом называется **наивным реализмом**. Оно называется реализмом потому, что считает содержание чувственного восприятия не субъективными переживаниями, а самую действительностью (реальностью). Оно может быть названо наивным потому, что владеет примитивным умом инстинктивно, безотчетно, без всякой теоретической разработки. В самом деле, представитель наивного реализма неспособен даже описать свое представление об истине и предмете знания так, как это сделано нами только что. О том, что наш собеседник — наивный реалист, можно бывает только догадаться на основании его высказываний об отдельных вещах.

Возможность такого безотчетного мышления легко пояснить следующим примером. Человек, высказывающий суждения «это дерево сломлено ветром», «этот овраг вырыт ручьями дождевой воды» и т. п., несомненно пользуется для объяснения явлений понятием причинности, однако вполне возможно, что он никогда в своей жизни не мыслил закона причинной связи явлений в отвлеченной форме.

Подойдя к такому примитивному уму, в настоящем случае к уму наивного реалиста, зададимся целью выработать понятия, кроющиеся в его точке зрения на мир. Возможно, что они окажутся не менее здоровыми и ценными, чем понятие причинности, таящееся в конкретных высказываниях «дерево сломлено ветром» и т. п. В таком случае точная отвлеченная формулировка этих понятий даст возможность защитить и обосновать их и приведет к возрождению здоровых элемен-

тов примитивного мировоззрения, утраченных культурным философским сознанием лишь по недоразумению. Нередко культура несет с собою не только освобождение от наивности, но еще и печальную утрату естественности, замену ее дурною искусственностью. Тогда задача еще более высоких ступеней культуры состоит в том, чтобы вернуться к примитиву и сознательно, т. е. не наивно возродить ценные стороны его.

Приступим к такой обработке наивного реализма, и вскроем своеобразные понятия, таящиеся в нем. Прежде всего, что такое истина? — В духе наивного реализма на этот вопрос можно ответить, что истина достигается в сознании путем о б л а д а н и я предметом в подлиннике. Иными словами, здесь предполагается *maximūm* близости между истинною и предметом: не соответствие, не копирование и т. п., а совпадение, тождество содержания истины и предмета.

Отдавая себе отчет в том, как возможно, чтобы предмет вступал в кругозор сознания в п о д л и н н и к е, необходимо притти к следующему различению понятий. Предмет внешнего мира, напр. дерево, может быть наблюдаем в п о д л и н н и к е только в том случае, если, находясь в с о з н а н и и субъекта, он тем не менее остается вне самого субъекта, как личности, как индивидуума: в самом деле, видимое, осязаемое и т. п. дерево есть только предмет н а б л ю д е н и я с у б ъ е к т а, но вовсе не душевное состояние субъекта. Лишь такие явления, как чувства или желания субъекта, напр. его горе, находятся и в его сознании, как п р е д м е т н а б л ю д е н и я, и в составе его личной, индивидуальной жизни, к а к п е р е ж и в а н и я. В виде краткой формулы это различение понятий можно выразить следующим образом: такой предмет, как наблюдаемое дерево, имманентен сознанию субъекта, но остается трансцендентным субъекту сознания; а такой предмет, как печаль субъекта, имманентен и сознанию субъекта и самому субъекту¹⁾.

Ту же самую мысль можно выразить еще и следующими словами: наблюдаемое дерево входит в состав т р а н с с у б ъ е к т и в н о г о мира (т. е. мира внешнего для субъекта), но это не мешает

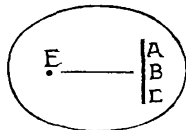
¹⁾ Слово „*immanens*“ означает „остающийся внутри чего-либо“, а слово „*transcendens*“ „переходящий куда-либо или через что-либо“. Отсюда ясно, что термины имманентный и трансцендентный имеют относительное значение, и смысл их становится понятным лишь тогда, когда нам известно, в отношении к чему нечто трансцендентно или имманентно. Напр., можно говорить в метафизике об имманентности или трансцендентности Бога в отношении к миру; можно говорить в гносеологии об имманентности или трансцендентности какого-либо предмета в отношении к чувственному опыту. Здесь мы обсуждаем вопрос об имманентности или трансцендентности предметов в отношении к сознанию, а также в отношении

ему входить вместе с тем и в кругозор сознания субъекта.

Итак в сознании есть две стороны: субъект и объект. Они вместе образуют единое целое сознания, следовательно, между ними есть связь, есть отношение. Что это за отношение? — Очевидно, это не есть пространственное отношение смежности, близости и т. п., это не есть временное отношение сосуществования или последовательности; это — некоторое специфическое, ни на что не сводимое, чисто духовное отношение «обладания в сознании», непосредственно усматриваемое нами тогда, когда мы говорим «я и мою такой то предмет в кругозоре сознания». Благодаря этому отношению существует такой особый тип объединенности субъекта и предметов, в силу которого возможно, чтобы даже предмет внешнего мира мог предлежать в подлиннике для созерцания субъекта. Назовем поэтому такое отношение словом *к о о р д и н а ц и я* (сочетание) субъекта и объекта. Чтобы отметить, что этот вид координации обуславливает возможность истины, назовем его точнее словами *г н о с е о л о г и ч е с к а я к о о р д и н а ц и я*. Возникающее благодаря этой координации непосредственное наблюдение предмета субъектом назовем словами *и н т у и ц и я* (или по-русски *с о з е р ц а н и е*).

Вырабатывая ряд изложенных выше понятий, мы собственно освобождаемся уже от наивного реализма и создаем новую гносеологическую теорию, которую можно назвать *и н т у и т и в и з м о м*¹⁾. Реализм присущ и этой теории так же, как наивному реализму, но сущность ее, конечно, не ограничивается приведенными выше положениями, которые отвечают только на вопрос об отношении между субъектом и объектом. Разъяснение недоразумений, вызываемых этою теориею, а также изложение других существенных сторон ее (особенно ее учения о строении предмета знания) будет выполнено ниже, а теперь необходимо вернуться к наивному реализму и отдать себе отчет в том, почему, как только философия начинает строить теорию истины, она отказывается от наивного реализма и переходит не к интуитивизму, а к другим типам гносеологических теорий, которые роковым образом ведут к полной утрате реализма.

§ 5. Учение интуитивизма об отношении между субъектом и объектом можно выразить схематически следующим образом:

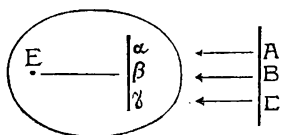

Кривою линиею обозначена сфера сознания; Е (ego)—субъект (я); АВС—объект; линия, соединяющая Е и АВС, координация субъекта с объектом.

¹⁾ Изложение ее в моих сочинениях „Обоснование интуитивизма“, „Введение в философию“, ч. I, „Введение в теорию знания“ и в статье

Но как возможно, чтобы предмет внешнего мира дал о себе знать субъекту? Первые же попытки решения этого вопроса роковым образом направляются по такому пути, на котором приходится отказаться от наивного реализма и считать также интуитивизм неправильной теорией. В самом деле, прежде всего приходит в голову, что предмет внешнего мира должен, так сказать, задеть наше тело — причинно воздействовать на него, и тогда только может возникнуть знание о предмете. Так, световые лучи, отбрасываемые поверхностью дерева, попадают на сетчатую оболочку глаза, вызывают в ней химические изменения, которые в свою очередь служат причиной нервного тока, направляющегося к коре больших полушарий мозга, именно к зрительным центрам, и эти физиологические процессы, повидимому служат причиной (или частью причины) возникновения нашего душевного состояния — ощущения света и цветов. Точно так же, колебания частиц воздуха, обусловленные движением ветвей дерева, потрясают нашу барабанную перепонку и вызывают нервный ток, который распространяется до слухового центра и служит причиной (или частью причины) ощущения звука (шума ветвей) и т. п. Таким образом мы познаем не самый предмет внешнего мира, а те состояния (ощущения), которые возникают в нашем теле и душевной жизни под влиянием предмета.

Схематически этот процесс можно выразить так:

Кривая линия — сфера сознания; E — субъект, ABC — объект; стрелки — причинные воздействия объекта на тело и душевную жизнь субъекта; $\alpha \beta \gamma$ — ощущения, создаваемые субъектом; линия, соединяющая E и $\alpha \beta \gamma$ — координация субъекта и образа.

Согласно этому учению, как видно из схемы, знание не есть обладание подлинником в сознании: в сознании имеется лишь образ предмета, сложившийся из вызванных им ощущений, а сам предмет остался за пределами сознания. При таких условиях приходится мечтать самое большее лишь о том, чтобы в сознании была, по возможности, точная копия предмета.

Согласно этому учению образ предмета складывается из психических состояний субъекта, вызванных в нем предметом. Следовательно, сторонник этой теории думает, что в уме наблюдателя нахо-

„Восприятие чужой душевной жизни“, журнал „Логос“, 1914 г., а также в сборнике моих статей „Основные вопросы гносеологии“. Метафизические основы возможности интуиции изложены в моем сочинении „Мир, как органическое целое“, 1918 г.

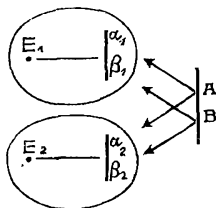
дится психическое дерево (мысленный образ дерева), которое должно быть, по возможности, копием материального дерева.

На основе приведенных рассуждений очень быстро развивается то гносеологическое направление, которое принято называть в истории философии эмпиризмом. Эмпиризм существует в весьма разнообразных видоизменениях; какой вид эмпиризма развивается на основе приведенной схемы, будет сказано ниже¹⁾.

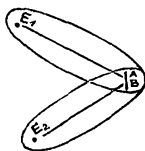
Характерная черта этого эмпиризма — склонность объяснять явления знания с помощью понятия причинного воздействия, понятия, заимствованного из области естествознания. Такой метод разработки гносеологии можно назвать натурализмом в гносеологии. Он не усматривает своеобразия знания и особенно истины и не признает такого чисто духовного отношения, как гносеологическая координация субъекта и объекта внешнего мира; он полагает, что для возникновения истины достаточно таких отношений, какие существуют между двумя сталкивающимися в пространстве телами.

§ 6. Чтобы понять отчетливее сущность интуитивизма и намеченной выше разновидности эмпиризма, выразим некоторые особенности их путем противопоставления их друг другу.

Положим, несколько субъектов (два или даже двадцать) наблюдают один и тот же предмет внешнего мира, напр., дерево. Этот случай может быть изображен с точки зрения эмпиризма следующей схемой:

С точки зрения интуитивизма этот случай изображается резко иной схемой:

Перечислим существенные различия между этими двумя теориями.

¹⁾ Словом эмпиризм (от греческого *ἐμπειρία* — опыт) должно называться всякое гносеологическое направление, утверждающее, что основ-

1. Состав сознания в изображении двух приведенных схем глубоко различен. Согласно эмпиризму, когда двадцать субъектов (двадцать различных я) наблюдают одно и то же дерево, то здесь имеется налицо: двадцать я, одно материальное дерево и двадцать психических деревьев (двадцать образов— $\alpha_1 \beta_1, \alpha_2 \beta_2$ и т. д.). Согласно же интуитивизму, здесь есть двадцать я и одно материальное дерево, созерцаемое в подлиннике (никаких психических деревьев нет). Таким образом, согласно интуитивизму, часть сферы сознания у нескольких субъектов оказывается общей, совпадающей¹⁾.

2. Согласно эмпиризму, отношение между предметом внешнего мира и субъектом есть причинное воздействие предмета, вызывающего в субъекте новые состояния, след., субординация субъекта предмету. Согласно же интуитивизму, между субъектом и объектом существует отношение координации: поскольку речь идет о знании, а не о каком-либо другом, предшествующем знанию или следующем за ним, процессе, здесь — не воздействие друг на друга, а сочетание, благодаря которому субъект есть созерцатель, а объект—созерцаемое. Это — чисто теоретическое отношение субъекта к предмету.

3. Но особенно важно следующее различие в учении о составе сознания. Согласно интуитивизму, создаваемый предмет может быть частью транссубъективного мира, следовательно, не психическим, а материальным бытием; иными словами, создаваемый предмет не обязан принадлежать к сфере индивидуальности субъекта, он может быть элементом чужой индивидуальности или может принадлежать к области надъиндивидуального. Наоборот, согласно эмпиризму, все сознание складывается только из индивидуально-психических переживаний субъекта: по этому учению, даже и внешний мир доступен наблюдению не в его собственном бытии, а посредством образов, слагающихся в нашем уме из ощущений, как наших индивидуально-психических состояний.

Если под словом эмпиризм разумеать всякое гносеологическое направление, утверждающее, что знание строится на основе наблюдений, источник знания есть опыт. Очевидно, важнейшие различия между разными видами эмпиризма обусловлены тем, что разумеют под словом „опыт“ (чувственный опыт, нечувственный опыт и т. п.) различные представители этого направления. Здесь речь идет о таком эмпиризме, который полагает, что опытное знание внешнего мира создается причинами и воздействиями внешних вещей на тело и душу познающего субъекта.

¹⁾ О совпадении части содержания нескольких индивидуальных сознаний и необходимости этого совпадения для существования человечества см. Schuppe, Grundriss der Erkenntnistheorie und Logik, 30 сс., см. также мое изложение гносеологии Шуппе в статье „Имманентная философия В. Шуппе (в моей книге „Основные вопросы гносеологии“); см. также Фихте, Tatsachen des Bewusstseins, 1813 г., Nachgelassene Werke, I т.,

дения, то обе рассмотренные теории можно назвать эмпиризмом. Но для обозначения различия между ними следует назвать только что рассмотренную теорию — индивидуалистическим эмпиризмом, а интуитивизм — универалистическим эмпиризмом¹⁾.

4. Сводя весь состав сознания к психическим процессам, индивидуалистический эмпиризм принужден выводить свойства истины из законов психической жизни, устанавливаемых психологией. Такой метод разработки гносеологии называется психологизмом. В современной гносеологии он считается ошибочным, так как многие очевидные свойства истины не могут быть выведены из законов психической жизни. Интуитивизм принадлежит к числу антипсихологических направлений; он находит в сознании непсихологическую сторону и из нее именно выводит свойства истины.

5. Изложенное различие в учении о составе сознания можно выразить также следующим образом: согласно интуитивизму, содержание, имманентное сознанию, может оставаться трансцендентным субъекту сознания, между тем как индивидуалистический эмпиризм полагает, что все имманентное сознанию должно быть вместе с тем имманентным и субъекту сознания.

6. Истина, согласно интуитивизму, достигается путем обладания в сознании самим предметом в подлиннике. Согласно же индивидуалистическому эмпиризму, истина о предмете внешнего мира достигается путем обладания в сознании образом предмета, более или менее соответствующим предмету (теория истины, как отображения предмета). Наибольшее согласие между образом и предметом было бы достигнуто, если бы образ был точной копией с предмета (теория истины, как копирования предмета). Посмотрим, возможно-ли это.

§ 7. Если образ предмета есть результат причинного воздействия предмета на тело и душевную жизнь субъекта, то не может быть и речи о получении точной копии. Уже то обстоятельство, что предмет внешнего мира в рассматриваемом примере материален (дерево), а образ его есть психическое явление, наводит на мысль, что здесь не может быть точного соответствия. Даже такой простой процесс, как давление печати на сургуч, не дает абсолютно точного отпечатка: свойства действия обусловлены даже и здесь свойствами обоих взаимодействующих факторов, т. е. не только печати, но и сургуча. Тем более, когда речь идет о сложном взаимодействии между внешним предметом и субъектом, приходится предполагать, что свойства образа предмета зависят не только от

¹⁾ От слова *universum*—вселенная.